

Жизнь - это черновик выдумки...

Мифы и правда об Александре Грине. Сегодня 130 лет со дня рождения писателя.

Это случается каждый год. Ровно в полночь под россыпь салюта в Неву торжественно входит корвет с алыми парусами. Выплывает как миф, мечта.

Так было и в этом году. Выпускники школ собрались у гранитных парашютов, чтобы, встретив парусник, возможно, разгадать тайну - разглядеть там, у штурвала, легендарного капитана Грэя и рядом - его любовь, дочь рыбака Ассоль. Но ни один из собравшихся не знал: настоящая тайна "жила" рядом, в километре от праздника, в угловом доме N 25 по Университетской набережной.

Здесь 100 лет назад, в июне 1910 года, жил странный человек с лицом каторжника - "колдун", как звали его в детстве, потом матрос, дровосек, землекоп, потом солдат и наконец эсер, едва не ставший боевиком. На лестнице этого дома его и арестуют. В полиции спросят: "Вы Александр Гриневский?" И мы узнаем: в угловом доме жил Александр Грин - тот, кто и написал феерию "Алые паруса", книгу о том, что еще не сбылось, но обязательно, непременно сбудется.

Паруса и галстуки

Фильм Александра Птушко "Алые паруса" вышел на экраны страны через 30 лет после смерти Грина, в 1961-м. Фильм-сказка о простых и честных людях и об их мечте - о поисках счастья.

Фильм, без преувеличения, стал прорывом. Ведь еще 10 лет назад, при Сталине, книги Грина запрещали и изымали из библиотек. "Новый мир" в 1950-м в статье "Проповедник космополитизма" объявлял давно покойного писателя "американским шпионом". "Из-под пера Грина, - писал некий Важдеев, - вышли чудовищные, гнусные страницы". "Грин не любит родину, - шаманили критики, - у него нет гуманизма, а есть упорная, злая воля делить мир, вопреки героической жизни советского народа... на сбывшееся и несбывшееся". Так что выход фильма стал почти чудом. И чудом была работа над ним. Где найти трехмачтовый корвет? Красить ли брезент парусов или шить новые? А если шить, то из чего? Решили шить, и режиссер сам отправился отбирать и закупать алый шелк - несколько десятков тысяч метров. Представьте, шелк, который шел тогда на пионерские галстуки.

Эти паруса и свели страну с ума. Началось всесоюзное помешательство. Барды запели про "туманы" и про кораблик, который "сам себя смастерил". В печать "запустили" шеститомник писателя, а мысу на Курилах и перевалу на Тянь-Шане даже присвоили имя писателя. Более того, его книги "работали". Всюду возникали клубы "Алые паруса", студии, кружки. Так возник и "Алый парус" в "Комсомолке", ставший не просто сопротивлением фальши и пропаганде красных галстуков - символом борьбы с "растительным" существованием обывателей. Какие имена родились тогда в газете: Инна Руденко, Симон Соловейчик, Нина Аллахвердова, Иван Зюзюкин, Юрий Щекочихин!

Но что-то в этом сумасшествии уже тогда было не так. Ведь густой романтизм эпохи, вслед за хрущевской "оттепелью", рассеивался. В том "мире счастья", который обещали людям, в том "коммунизме", который сулили к 80-м годам, все меньше почему-то находилось места как раз романтикам и идеалистам. Недаром вдова Грина, которой и были посвящены когда-то "Алые паруса", посмотрев фильм, вдребезги разругала его. "Все не так", - отрезала. А что тогда - так? И какой секрет счастья так и не открыл нам корабль по имени "Секрет", на котором уплыли за горизонт Грэй и Ассоль? Может, секрет, что счастья за горизонтом не ищут? Но понимал ли это сам Грин? А если понимал, то чем тогда была его жизнь? Погоней за миражами или бегством от страшной действительности?

Человек из легенды

Декабрьской ночью 1920 года молодой писатель Михаил Слонимский проснулся, ощутив на шее чьи-то жесткие пальцы. Над собой увидел Грина, соседа по "Дому искусств", пальцы которого сжимались на его горле. Внезапно Грин будто очнулся и, ни слова не говоря, вышел из комнаты. Было это или не было, в точности не известно, но на утро "Дом искусств" - общежитие для бездомных писателей Петрограда - возмущенно загудел. На кухнях спорили: хотел ли Грин убить соседа или разыгрывал сцену будущего романа? Кричали, что он бешеный, что он, оказывается, стрелял в первую жену и убил ее, что однажды "взял" какую-то кассу, 11 тысяч, за что и попал на каторгу. Наконец, как страшную тайну передавали: все книги его - украденные рукописи какого-то английского капитана, которого он также уколошил, а сундучок присвоил.

Самое удивительное, что почти все, о чем судачили на кухнях, было правдой. Грина и впрямь арестовывали 5 раз, приговаривали как эсера-боевика к ссылкам, а однажды - даже к каторге. И в женщину Грин стрелял. Все было правдой. Кроме "взятой" кассы да английского капитана. Но главное, не было ни строки, украденной им...

Впервые его арестовали на Графской пристани Севастополя. Это было 11 ноября 1903 года. Он шел на сходку, где должен был агитировать матросов. И виноватой оказалась Киска - такой была партийная кличка эсерки Катерины Бибергаль, дочери народовольца, умной, порывистой красавицы, в которую он был влюблен. Идти на собрание не хотел, чуял - его схватят. И тогда Катя презрительно бросила ему: "Трус!"

Так он впервые попал в тюрьму. Киска, его Катя, запоздало кинется готовить побег, раздобудет 1000 рублей, даже купит парусное судно, чтобы отвезти его в Болгарию, но - план сорвется. И Грин просидит в камере 2 года. Но когда они встретятся, когда он, разочарованный в революции, станет уговаривать ее порвать с эсерами и зажить с ним мирной жизнью, опять посмеется над ним. Любовный треугольник! Он любил ее, а она - революцию. "Катя держалась вызывающе, - вспоминал он, - а я знал, что никогда не смогу убить ее, но и отступить тоже не мог и... выстрелил..." Пуля прошла рядом с сердцем, но Катя не выдала его. Позднее она окажется на каторге за покушение на Великого князя, а уже в наше время о ее семье напишет даже Солженицын в книге "Двести лет вместе".

Так закончилась игра Грина "в революцию". А вот игра в мечту, в творчество только тогда и началась. И "крестным отцом" его в литературе станет видный эсер Наум Быховский. Прочитав однажды "кудрявую" листовку, написанную Грином, он вдруг скажет: "Знаешь, а из тебя мог бы выйти писатель". "Это, - признается Грин, - было как откровение... Зерно пало в мою душу... Я нашел свое место в жизни".

Это "место" он искал с детства. С той минуты, когда в пять лет первым прочитанным словом его стало слово "море", а книгой - "Путешествие Гулливера". Путешествие, море - мечтал, улетаая взглядом в окно. А за окном была насквозь сухопутная Вятка, где он проживет до 16 лет. Отец, Степан Евсеевич Гриневский, происходил из дворян. В 1863-м по делу польского восстания был арестован, получил 3 года, а потом женился в Вятке на девице из мещан Анне Лепковой, матери Грина, которая умерла, когда мальчику было 14. Мать сына любила, но "со странным удовольствием" дразнила его стишком: "Ветерком пальто подбито, и в кармане - ни гроша, и в неволе, поневоле, затанцуешь антраша!.." Предсказывала трудную жизнь: "Вот увидишь, будешь бродяжкой голодным таскаться. Не хочешь учиться, быть послушным, под забором сдохнешь". Как приговорила.

"Грин-блин", как дразнили его, не только плохо учился (окончил 4 класса реального училища), но имел "тройку" по поведению и был дважды исключен. Но гордился "пятеркой" по географии и школьной статьей своей о вреде Майна Рида. Считал, что, начитавшись о таинственных материках, дети начинают презирать дом, тосковать и рваться в Америку. Он ведь и сам сбежит из дома в 16, сбежит - "в море". Якоря, штормы, трубки, ром, лоции, ревушие снасти и штиль рейдов - вот что его манило. Дух шалого авантюризма. Словно и впрямь счастье ищут за горизонтом. Но, увы, прием в мореходку в Одессе был закончен, а вот реальный голод был буквально за углом. Голодал так, что однажды остановил "жирного одесского туза", переходившего рельсы, и, указав на идущий навстречу поезд, предложил за 11 рублей положить свой мизинец на рельсы. Чтобы "туз" мог увидеть его страдания. Впрочем, возможно, он и придумал это. Ведь когда его однажды взяли в плавание и он побывал за границей, то и там, в знаменитой Александрии, надоел всем своими фантазиями. Дойдет в городе до какой-то канавы с грязной водой, купит розу за гроши, а на корабле распишет, будто в него стрелял бедуин, а розу ему подарила красавица египтянка. Так была "устроена" его голова, так вообще устроены головы писателей.

Одесса, Баку, Севастополь, Урал, куда Грин отправляется искать золото. Отец, уставший от его "выдумок", "сдаст" сына в солдаты. Не тут-то было: Грин и из армии дважды убежит. "Я не люблю людей, - напишет. - И не люблю человечества. Но я хочу справедливости". Это желание и привело его сначала к эсерам, а потом, когда он поймет, что счастье надо искать в себе - к творчеству. Скажем, первая его книга "Шапка-невидимка",

которой он, надо сказать, предвосхитил всю русскую литературу о революции от Леонида Андреева до Андрея Белого, была сплошь о нелегалах, явках, паролках, подкопах и побегах. И о том, как его погоня за революционными миражами оборачивалась бегством от реальной и жуткой жизни. Кстати, название "Шапка-невидимка" ему придумает... "тюремная невеста".

Все еще сбудется

Это его фраза. Не важно, что ты будешь есть завтра и где найдешь ночлег сегодня, важно, что произойдет ныне в придуманном тобой городе Зурбаган и кто вот-вот сойдет с клипера "Аврора" на пригрезившийся тебе остров Рено. Впрочем, последним "подарком" революции станет для него первая большая любовь. Ее едва ли не за ручку эсеры привели к нему, когда он, арестованный за "подложный" паспорт, сидел уже в "Крестах". В камеру к нему пошла Вера Абрамова, "тюремная невеста" (так называли девушек-идеалисток, которые под видом "невест" соглашались навещать в тюрьмах совершенно незнакомых им политзаключенных). Дочь статского советника, "бестужевка", 24-летняя учительница, Вера помогала Красному Кресту, при котором и существовала ярмарка невест - невест "из милосердия". Их были сотни. Но лишь ее хмурый заключенный в синей косоворотке при первой встрече неожиданно поцеловал. "Поцелуй был огромной дерзостью, - напишет она, которую никто кроме отца и родного дяди не целовал, но добавит: - и вместе с тем ошеломляющей новостью, событием..." Словом, она влюбится в него со всей нерастратченной страстью, обвенчается с ним в "тюремной церкви", поедет за ним в ссылку и проживет с ним семь лет. Потом - уйдет. Не выдержит ни его растущей популярности, ни богемной жизни, ни кутежей, пьянства, дымных и разгульных ночей. Он же не без горечи будет каяться: "Я дорвался до жизни, накопив алчность к ней в голодной, бродяжьей, сжатой юности. Глаза горели на соблазны жизни. А рестораны, вино, легкомысленные женщины было ближайшее к моим жадным рукам. Это время - эпоха в моей жизни". Но именно в те годы под его пером и рождались выдуманные города Гель-Гью и Лисс, которые населяли странные люди с дикими для русского уха именами: Астарот, Валу, Гнор. И мало кто верил, что эти истории, похожие на сны, написал тот, кого звали "господином пессимистом", "человеком, не умевшим улыбаться" и даже совсем уж зло - "дрессировщиком тараканов".

Впрочем, расставшись с Верой, Грин уже тогда завещал ей не только все написанное, но и все, что напишет. Любил. Иначе зачем возил за собой по жизни не один - три портрета Веры. И все три повесил в каморке "Дома искусств", когда в 1920-м, голодный, тощий, сбежавший в очередной раз из армии (теперь уже из Красной армии, куда был призван), переболевший тифом, нелюдимый и озлобленный на весь мир, поселился в ней. Чудом было не то, что выжил в страшные годы, когда по ночам на пустых огородах выкапывал последние картофелины и тут же жадно съедал их - немые, сырые. И не то, что Горький "пристроил" его в "Дом искусств", да еще "поставил" его на паек. Чудом было, что в грязном солдатском мешке он привез в Петроград рукопись, может, самой чистой своей книги "Алые паруса". "Чудеса надо делать своими руками", - произносит в ней капитан Грэй. И мало кто знал: Грин и в жизни "делал" чудеса, хотя никогда и никому о них не рассказывал. Вытащил, например, из-под ареста соседа по "Дому искусств" поэта Всеволода Рождественского, о чем тот так никогда и не узнал. Выдал замуж, извините, проститутку Маньку-суматоху, у которой был роман с коридорным из мебелирашек "Лиссабон", устроил ей свадьбу с венчанием, с газовым платьем, которое сам выбрал. Более того, о его "чудесах" люди помнили и через полвека. Невероятно, но в 2003 году питерская газета "Смена" опубликовала рассказ некой почти столетней гражданки Ольги Емельяновой, которая еще подростком случайно встретила Грина.

Ей было 13, когда она, девочка с Урала, приехала в Петроград на заработки. Днем работала посудомойкой, а вечером, накинув на плечи дырявый цыганский платок, шла к витрине шикарного магазина на Невском, где увидела однажды красивый женский манекен и небесной красоты пальто. "Вы представить себе не можете, как я этой кукле завидовала! - приводит газета ее слова. - Пальто сказочное. Синего цвета с серебряным отливом. А через плечо - шарф с бахромой". И вдруг в самый сочельник на ее пальто уставился рядом какой-то "дядька". "Странный дядька, - вспоминала, - лицо сморщенное, как у старика. Я серьезно сказала: "Это мой манекен". Он спросил: "Хотите горячего чаю?" И отвел меня в чайную". "Ты хочешь иметь такое пальто?" - спросил. "Да", - ответила она. "Нет, - возразил он ей, - ты хочешь быть манекеном. Чтобы ты была такая же красивая, чтобы все ходили вокруг и любовались тобой". "Я смотрела на него, - вспоминает О. Емельянова, - как на волшебника или сумасшедшего". Но "сумасшедший" пошел в магазин и через 10 минут повязал ей на шею большой и теплый шарф. На пальто, сказал, не хватило денег.

Да, жизнь - черновик выдумки, если писатель - поэт в душе. Грин писал стихи в юности, даже посылал их в "Ниву" и журнал "Родина". Это не удивительно. Удивительно, что, давно забросив их, хлебнув полной мерой "свинцовых мерзостей" жизни, он, когда ему было почти сорок, вдруг снова взялся за них. Просто случилась история, может, главная история его жизни, из-за которой он, молчун, бродяга, "мустанг", как звали его за выносливость, представьте, вдруг разревелся. Да так, как это бывает только в детстве: давя рыдания, глотая

слезы, сдерживая трясущиеся плечи, чтобы только не заметила она. Она - это Нина Миронова.

Дэзи... по имени Нина

Он встретил ее в 1918-м. Встреча была мимолетной. И лишь в 21-м в январском Петрограде они вновь столкнулись на Невском. Она была в развалившихся ботах, ей, когда-то золотой медалистке и "бестужевке", а ныне - медсестре тифозного барака, только что отказали в райсовете в ордере на выдачу хоть какой-нибудь крепкой обуви. Она обрадовалась встрече, помнила написанный им три года назад стих: "И вы, дорогая, являетесь мне, как солнечный зайчик на темной стене". Но когда в третий раз забежала к нему, он, выдавший виды мужик, вдруг чмокнул ее в щеку и, как мальчишка, убежал...

7 марта 1921 года он предложил ей стать его женой. Свои чувства к нему она уложит в одну прохладную фразу: "Не было противно думать о нем..." А уже 24 сентября вдруг напишет: "Сашечка! Милый... Если я заболела и умру, помни, голубчик, что я любила тебя так, как только может любить человеческое сердце... Не смейся - я от любви пишу". Вот между этими датами и случилось то, что должно было случиться: она впервые останется у него. Тогда он и разрыдался, да так, как не плакал с детства. "Он не однажды вспоминал ту минуту, - напишет она, - когда я, лежа рядом, стала обертывать и закрывать его одеялом с той стороны, которая была не рядом со мной". Вспоминал! Никто ведь, кроме матери в детстве, не укрывал его так. "Бог мой, дай мне сил сберечь ее", - скрипел зубами. Именно ту ночь они и отмечали потом, как годовщину свою, все 11 отпущенных им лет.

Она примет его безоговорочно. С его упорной приверженностью старой орфографии (он до конца жизни писал с "ятями"), с его церемонностью и неприятием женских платьев выше колен, с татуировкой на груди (разумеется, корабль и море). Но только через год узнает: Грин пьет, не может не пить - это наследственное. Сначала приходил навеселе, потом пьяненьким, потом - пьяным. И, спасая его, вырывая из писательских компаний, она хитростью увезет его в Крым, в Феодосию.

Пошла к врачу: что делать? Тот сказал: сошлитесь на больное сердце и придите ко мне вместе с ним. А когда они пришли, строго сказал Грину: здоровье его жены срочно требует перемены климата. Нужен юг. И Грин, который раньше и слышать о переезде не хотел, сам стал уговаривать ее: "Мы должны срочно переезжать". Так Нина подарила ему лучшие годы его жизни. А нам - замечательные книги, созданные им в Крыму.

Можно долго рассказывать об этой бедной, трогательной любви, а можно привести только один пример - вот как она разбрасывала окурки. Он, например, не разрешал ей убираться в его комнате. Он вообще не разрешал ей работать. Жалел. А сам, трудясь по ночам, лишь глотал чай и беспрестанно курил. Дым, пепел, брошенные папиросы. И тогда Нина, вставая в 4 утра, шла в пустой кабинет его, открывала окна, мыла пол до блеска, а потом - вновь разбрасывала окурки, лишь бы он не заметил наведенной чистоты. Такая вот - любовь!.. Работал, как вол, но в конце 20-х печатать его, увы, перестали. "Дайте на темы дня", - возмущались журналы. А он на "темы дня" не мог, - напишет потом Нина, - только "на темы души..." Мариэтта Шагинян, когда-то соседка его по "Дому искусств", искренне убивалась тогда: несчастье и беда Грина, говорила, в том, что он пишет не о "подлинной романтике социализма", а о романтике сказки, да еще с капиталистическим уклоном. Да, он оказался несозвучным эпохе, не писал ни о социализме, ни о капитализме. Но, может, потому его книги и пережили его?

Зов несбывшегося

Грин умер 8 июля 1932 года. От скоротечного рака. Но только ли от него?.. С холма кладбища и ныне видна золотая чаша феодосийских берегов. Гроб его, простой, деревянный (в Крыму не было ни досок, ни гвоздей, и людей хоронили в простынях), Нина обила мелкими выющимися розами. На похороны пришли не писатели - просто люди. Писатели же, та же Шагинян, приехали в Крым через два года, посмотреть, где жил он, как умер. И, выйдя из дома Грина, Шагинян вдруг расплакалась. "Мне больно видеть, - сказала Нине, - как бедно жил Грин, даже пол в доме земляной".

Нина откроет его музей. Создавать его, не надеясь на государство, будет всю жизнь и умрет в 70-м, когда музей признают официально. Завещает похоронить себя рядом с мужем, но ей и этого не разрешат. Запретит ЦК партии Украины. Ее похоронят на том же кладбище, но в другом конце его. Впрочем, вера в чудеса, которой учил Грин, не прошла даром. В ночь на 23 октября 1970 года, в первый день рождения Нины после ее смерти, пять поклонников Грина, идеалистов, рыцарей мечты, безумцев, да просто пятеро мужиков с саперными лопатами, раскопают ее могилу и перенесут гроб с ее телом к мужу. Любящие должны быть вместе. Хотя официально факт захоронения ее рядом с Грином - ну что же мы за страна, Господи! - станет известен лишь через 20 лет - в 1990-м.

"Лелейте мечты", - любил повторять Грин. Ведь "запрещать мечту - значит не верить в счастье, а не верить в счастье - значит не жить"...

Это правда. "Рано или поздно, под старость или в расцвете лет Несбывшееся зовет нас, и мы оглядываемся, стараясь понять, откуда прилетел зов, - написал он в "Бегущей по волнам". - Тогда, очнувшись среди своего мира, спохватясь и дорожа каждым днем, всматриваемся мы в жизнь, всем существом стараясь разглядеть, не начинается ли сбываться Несбывшееся?.."

Он мечтал о Нобелевской премии. "Нинушка, - загорался, - нанимаем пароход, выбираем капитана и едем вокруг Европы". Это было в конце 20-х. А уже в 30-м боялся описи имущества и даже распродажи последнего барахла. Вот письмо от 1931 года, которое так и не решились опубликовать при советской власти. "У нас нет ни керосина, ни чая, ни сахара, ни табаку, ни масла, ни мяса, - пишет другу за год до смерти. - Я с трудом волоку ноги". Переписку его в тот год, год голода в Крыму, читать невозможно. "Мне 51 год, - обращается в Союз писателей СССР. - Здоровье вдребезги расшатано. Доедаем последние 50 рублей". Ответа - нет. Просит помощи у знакомых: соберите деньги среди писателей хотя бы по подписному листу. Нет ответа. Не считать же ответом то, что стало известным лишь недавно, слова Лидии Сейфуллиной, сказанные на правлении Союза писателей: "Грин - наш идеологический враг. Союз не должен помогать таким! Ни одной копейки принципиально!.."

Эпизод

Вернувшись в последний раз из Москвы, как раз в 31-м, Грин лишь выдохнул: "Амба! Больше печатать не будут". Вот она - месть власти за нежелание его писать на "темы дня", за гробовое молчание о социализме...

Автор: Вячеслав Недошивин   © Российская газета   КУЛЬТУРА, РОССИЯ   👁 13883   23.08.2010, 12:14   📌 442
URL: <https://babr24.com/?ADE=87944>   Bytes: 20752 / 20591   Версия для печати

👍 Порекомендовать текст

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:
newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Вячеслав
Недошивин.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: [@bur24_link_bot](#)
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)